

Я посвящаю эту книгу женщинам,
вдохновившим меня
на ее написание.

Ирине Собченко — без тебя эта книга не была бы написана. Ты и только ты увидела в моей истории важное для всех нас. Твоя поддержка помогла мне поверить в себя и продолжать свой путь.

Деборе де Робертис — благодаря тебе я села за стол и начала писать.

Ксении Сверкуновой — ты поддержала меня тогда, когда я больше всего нуждалась в этом.

Моим дочерям **Алисе** и **Лиле** за безусловную любовь и понимание.

Париж, сентябрь 2020 года

«Все. Петра я выгнала,
потому что мне все это надоело».

Мое освобождение

Первое ощущение освобождения я словила, когда улетала из вечной темноты и мерзлоты в серый Петербург, который сверкал для меня всеми красками мира. Там была жизнь. Она звала меня, я не могла усидеть спокойно весь последний год школы, зная, что в мае покину мою темницу и заживу настоящей жизнью.

1996 год.

Петербург принял меня зарождающимся рейвом и кислотными цветами. Мы круглосуточно тусовались. Ветер перемен уже задул. Институт был лишь причиной покинуть тюрьму, но я всегда хотела большего, сколько себя помню.

Второе чувство освобождения происходит сейчас. Я еще в процессе, но уже не в тюрьме из собственных страхов и неуверенности. Я больше не та наивная девчонка из Норильска. За мной багаж смелости, отваги и прямого действия. За мной двое детей, 12 лет лишения и прекрасных свершений. Чтобы в полной мере осознать это, осознать себя, мне понадобилось

разрушить, наживую разорвать, возможно, самые важные отношения в моей жизни. С человеком искренне и по-настоящему любившим меня такой, какая я есть. Но себя я не знала и не могла узнать, пока не оказалась совершенно одна. Пока страшные слова не были произнесены, пока его силуэт не удалился в дождливую темноту.

Итак, я осталась одна. Я опять хотела большего. Это было пугающе ново, меня тянуло в знакомые руки, к знакомым глазам, туда, где все решено за меня и стабильно. Но из меня уже прорывалась та я, которой, наконец, дали слово, дали волю, которую послушали в первый раз в жизни, которая сама приняла решение и мужественно ему последовала. Оболочка все еще боялась, а внутри уже стало тепло и радостно.

Предвкушение нового появилось вопреки всему.

И оно стало с неистовой силой расти, набирать силу, оно требовало воздуха и движения. Часов размышлений, килограммов выкуренных сигарет, жадных вдохов воздуха, тишины расветной темноты, через которую я продиралась с книгой в руках, мои сонные глаза жег интерес — впервые в жизни. Я каждое утро вскакивала в нетерпеливом ожидании нового дня. Мои первые тексты выходили на одном дыхании, они срывались с кончиков пальцев. Я не думала, о чем писать, я еле успевала записывать. Я броса-

лась от одной книги к другой, к текстам, к статьям, к фильмам. Как будто я давно не ела и меня посадили за накрытый изысканными явствами стол. Я жадно поглощала и не могла насытиться. До сих пор не могу.

Источник вопреки моему страху начал пробиваться во мне, чистый горный родник. Он освежал и успокаивал, он подставлял плечо, он рос внутри меня. Стоило мне подойти к письменному столу, как выходил текст, стоило мне выйти на улицу, меня подхватывал ветер, стоило мне выйти покурить, как садовая решетка нашептывала мне свои тайны. «Мое мое» радостно кричала я изнутри.

Со страхом ушел и запрет, плотина прорвалась, мое я хлынуло ошеломительным потоком впечатлений, воспоминаний, соотношений, я стала опять замечать жизнь, я стала участником событий, я начала жить.

Это освобождение было самым трудным из-за цены, которую мы вчетвером за это заплатили. Этот урок останется со мной, пока я жива, и потом останется в моих девочках, в новых седых волосах моего друга. Мы все пронесем его через года.

Освобождение зависит от многих условий, его нельзя подгадать или вычислить искусственно, это потребность, как дышать, как утолять жажду, как спать ночью.

Я думаю в этих словах: «хотеть большего» — кроется его начало.

Петербург

Мы жили в Петербурге.

Когда я пишу эти буквы, я их освящаю. Я дышу его влажным воздухом, прохожу маршрутом от Дома книги до Сенной площади по набережной канала Грибоедова. Волны ностальгии накатывают на меня. Я борюсь с подступающим к горлу комком.

Там, в Петербурге, в котором было вечно холодно, мокро, серо и воздух пах дождем, свежестью, мокрым асфальтом, землей и зелеными листьями.

Я не могу смотреть на его фотографии. Мне физически больно от того, что я не могу вернуться.

Но хочу, как хотят к человеку, которого нет в живых. Я хочу вернуться в прошлую жизнь. Кажется, там были покой и счастье.

Но это не так.

Была боль, разлука, пустота, потерянный смысл жизни, вынужденное одиночество, слезы, мольбы, смелый поступок, счастье, любовь, радость, временный покой, ревность, опасность, страх, отчаяние, залитая солнцем улица в зимний день, которая

дарит надежду, набережная реки Фонтанки, дорогие сердцу руки, любовь, ненависть, первые весенние дни, когда все возможно и жизнь только начинается — все в этом городе связано с ним.

Там все начиналось, много раз заканчивалось и снова начиналось. Петербург и он для меня едины. Город всегда спасал меня, дарил себя, я могла жить в нем, могла ходить по его улицам, он был рядом в самые страшные часы. Он дарил мне людей, которые, сами того не зная, вставали стеной перед моей бездной.

Я отчаянно помню его запахи, красоту зданий, улиц, оранжевую тишину вечеров. Он живой. Он обвивает своими улочками, впускает в сердце своих сокровищниц, открывает тайну с крыш, провожает домой львиными мостами. Его кладбища хранят наши разговоры о смысле жизни, наши первые важные решения. Все, что у нас есть сейчас, началось в Петербурге. Там мы выросли, там мы стали нами.

Ни одного дня не было потеряно, мы прожили с Петербургом в любви 22 года. Он принял меня безоговорочно и отпустил без слез, как настоящий друг.

Сейчас дождливый Париж, каналы, река, тот же особенный серый.

И та же боль расставания, принятого решения — отпустить и шагнуть в пропасть. Будь что будет.

Решения, сложные решения, когда же вы дадите мне передышку? Мои волосы белые, я вижу себя седой.

Воссоединение и в том, и в другом случае невозможно, мосты сожжены и назад дороги нет. Так сказал однажды дорогой моему сердцу человек. И как в тот раз, покидая Петербург, сейчас мне страшно покидать старого друга, уходить, зная, что это навсегда. Страшно, что в моем сердце откроется еще одна рана, которую не залечить никогда, что без него я перестану дышать, что все краски поблекнут, что я прекращусь.

Никогда больше... Не поцелую его, не буду смотреть на его красивые руки, в его темно-зеленые глаза, в которых вся доброта и красота мира, он больше не со мной.

Его смех, его любовь, его сила, его забота, наши разговоры, вечерние прогулки по пустому городу.

НИКОГДА БОЛЬШЕ. НЕ СО МНОЙ.

Моя жизнь в который раз начинается с нуля.

Я и мои два крыла, мои девочки. Вот и все, что у меня осталось.

Встреча

16 июля 2006 года

Перинный ряд. Бар «Фидель». 3 часа ночи. Лето.

Я – после вечерней смены, прохожу испытательный срок на должность официантки в кафе «Макарони» на улице Рубинштейна. Отработала почти месяц. Тяжело, но всегда есть деньги и не стыдно смотреть родителям в глаза. Мне 27 лет. Я по-прежнему не знаю, кем я стану, когда вырасту.

Мой друг Эдик приехал из Гамбурга ненадолго, моя усталость – не повод отменить нашу встречу.

Стоим на улице около бара, пьем пиво, шутим, вспоминаем прошлое. Я ни с кем не встречаюсь. Привычно скольжу взглядом по людям рядом.

О, вот симпатичный, говорю Эдику и скольжу дальше.

Иду в туалет. Выхожу. Эдик стоит именно с тем парнем, которого я отметила. Вблизи он еще симпатичнее. Волнистые волосы до плеч, большие красивые глаза. Только го-

лос противный. Но внешность компенсирует этот дефект. Зовут Петр.

Эдик уезжает в гости на Петроградскую, мы остаемся в «Фиделе».

Я очарована его красотой. Он художник. Смотрю на него не отрываясь. После смены я при деньгах и всех угощаю в баре.

Он неожиданно целует меня.

Мир вокруг останавливается и в то же самое время начинает кружиться со страшной силой. Поток подхватывает нас, мы становимся одним целым. Все вокруг перестает существовать. Только мы одни летим во вселенной. Нас окружают вспышки, звезды, млечные пути, солнца и луны. Мы нашли друг друга. Целуемся всю ночь, не можем оторваться друг от друга.

Безжалостно наступает утро. Светлеет. Мы в такси. Оказывается, мы живем в одном районе. Я под впечатлением от его красоты. Приглашаю к себе. Он соглашается. Дома родители и мой ребенок.

Дом начинает просыпаться. Не то. Мы спускаемся вниз, прощаемся. Мне в девять на работу. Выключаю будильник и ложусь спать счастливая.

В девять звонки с работы.

Бормочу что-то невнятное. На другом конце недоверчиво обрывают.

У вас испытательный срок.

Да, я понимаю

Вы выйдете сегодня на работу?

Нет, я плохо себя чувствую.

Понятно. Пауза. Такие работники нам не нужны. Можете больше не приходиться.

Положили трубку.

Волна похмельной паники захлестывает мой воспаленный мозг. О нет! Что я скажу родителям! Меня уволили, так и не взяв на работу. Я вообще ни на что не способна. Опять не справилась!

Надо еще поспать. Меня трясет. Я спала два часа от силы.

Родители и Гоша уехали на дачу. Мне предстоят ничем не занятые выходные.

Весь день уходит на восстановление равновесия. Мысли о Петре вызывают улыбку. Что-то важное случилось этой ночью. Не думаю особо об этом, чтобы не потревожить новое начало. Предвкушение счастья.

Сказка

Лето 2006 года

Мы подолгу гуляем по городу. Он любит Петербург так же, как и я. Страстно и глубоко. Мы гуляем по набережным, катаемся на кораблицах по Неве. Ходим в гости к друзьям. Узнаем город вместе. Открываем свои секреты друг другу. Свои любимые места. Тихие уголки. Говорим о смысле жизни, об искусстве. О будущем, о мечтах и прошлой боли. О родителях, о том, что не сбылось, о смерти.

Смоленское кладбище на Васильевском острове, наше пристанище. Мы гуляем по его тенистым аллеям с окруженными поросшими мхом старинными могилами и деревьями, уходящими в небо. Там торжественно тихо всегда.

В моей жизни полный кавардак. Ссоры с родителями, мой ребенок, которого я обожаю, но не знаю, что с ним делать, как выстраивать свою жизнь. Я полностью завишу от родителей. Живу с ними, я отчитываюсь, оправдываюсь, виню себя днем

и ночью. Я одинокая мать, без работы, с туманными перспективами на будущее. Я не знаю, чем заниматься. Работа официанткой – единственное, что у меня получается хорошо. Там не нужны мозги. Нужны только ноги, руки и улыбка.

Изнутри я вижу себя по-другому. Я не оцениваю себя. Просто живу. Каждый день. Я не думаю о своей жизни, я ее проживаю.

П понимает меня. Мы подолгу обсуждаем моих родителей. Он терпеливо слушает.

Удушливое кольцо домашнего контроля все сильнее сдавливают. Я должна оправдываться за каждый свой поступок, должна быть дома каждый вечер, я плохая мать, это невыносимо. Я разрываюсь между П и домом. Становится все труднее уходить на наши встречи. Мать провоцирует меня без перерыва. Расставляет ловушки вины повсюду. Так есть и так было всегда, сколько себя помню. Отец отсиживается у телевизора. Он давно уже стал ее эхом. Не имеющим своего мнения и своих желаний. Меня она так и не смогла подчинить. Я ее боюсь. Но все же бунтую против нее.

Я выбираю П. С ним спокойно. Он меня понимает. Мы встречаемся каждый день. Он честный и прямой. Я знаю, чего от него ожидать. Он любит меня.